

ОБЩЕСТВО

ФОТО АРХИВ ГАЗЕТЫ «НОВЫЙ КОМПАНЬОН»

Середина 1990-х годов. Встреча с Егором Гайдаром

советскому образу жизни управленческих структур: антимонопольной, занятости населения, приватизации.

В апреле 1991 года новое правительство Валентина Павлова «тупо», без реформы ценообразования, вдвое повысило все государственные цены, что ещё больше усилило инфляцию. Плановая система окончательно рушилась. Национальный доход в 1991 году сократился на 11%, выпуск денег в обращение возрос в 4,4 раза, товарный дефицит зашкаливал. Избежать катастрофы можно было лишь переходом к свободным рыночным ценам. На это могла решиться лишь команда камикадзе, свободная от идеологических шор, готовая не только проститься с социализмом, но и пойти на непопулярные меры, чреватые социальным взрывом.

Михаил Горбачёв и его соратники решиться на такое так и не смогли. Среди «академиков» камикадзе тоже не обнаружили. Явлинский поставил условие: сначала малая приватизация, которая в результате продажи магазинов, парикмахерских и транспортных средств населению снимет часть денежного «навеса». После этого размораживаем цены. В условиях полыхающего пожара такая пауза в его тушении была неприемлемой.

Августовский путч все эти заботы переложил с Горбачёва на Ельцина, у которого не было ни чёткого плана действий в чрезвычайной ситуации, ни подготовленной команды, способной «тушить пожар». Хотя вскоре выяснилось, что и план, и команда в России существовали.

Состояла команда из молодых москвичей и ленинградцев во главе с Егором Гайдаром и Анатолием Чубайсом, которым, спасибо Николаю Рыжкову, одновременно с «академиками» в 1985-м была поручена разработка экономической реформы. Уже тогда они чётко определили перечень необходимых мер по выходу из экономического кризиса: либерализация цен и внешнеэкономической деятельности, коммерциализация крупных предприятий и массовая приватизация мелких, сокращение бюд-

жетного дефицита и прекращение кредитования убыточных предприятий, организация системы пособий по безработице. Была названа и неминуемая плата за реформирование: временный рост цен на 200%, падение производства на 18–20% и реальных доходов населения — на 15–20%.

Для 1985 года принятие таких предложений было равносильным готовности исполнить без страховки сальто под куполом цирка. Заказчик рисковать не решился, но дал возможность «молодым» продолжать работу.

Когда в 1991 году ситуация усугубилась, авторы внесли в свою программу существенное и очень суровое дополнение: времени для смягчения негативных последствий реформирования уже нет, неизбежна «шоковая терапия». При параде республиканских суверенитетов, переговорах и согласованиях это невозможно. Вывод испугал даже самих разработчиков: Россия может минимизировать жертвы реформирования и относительно бескровно выйти из кризиса лишь в одиночку — Советский Союз обречён...

История о том, как Борис Ельцин нашёл Егора Гайдара, как он пришёл к выводу, что Гайдар — лучший «главнокомандующий реформой», как Ельцин и Гайдар поверили друг другу, достойна захватывающего сериала. Добавлю лишь одно: отыскал Гайдара и правильно оценил его деловые спо-

собности и возможности государственного секретаря при президенте Геннадий Бурбулис.

Днём 6 ноября 1991 года Борис Ельцин сделал окончательный выбор. Общее руководство правительством реформ он взял на себя. Геннадий Бурбулис был назначен первым вице-премьером, Егор Гайдар вице-премьером — руководителем экономического блока. Социальным вице-премьером стал член команды Александр Шохин. Через четыре дня Анатолий Чубайс возглавил приватизацию, а Пётр Авен — внешнеэкономические связи. Команда Гайдара приступила к осуществлению радикальнейшей реформы...

А через 72 дня я уже в качестве заместителя губернатора, «собственноручно» контролируя ход реформы, обнаружил на витрине пермского магазина «Речник» в свободной продаже три вида дорогой и один вид дешёвой колбасы. Ещё накануне старого Нового года мясной отдел торговой точки наискосок от Речного вокзала сверкал стерильной пустотой. А сейчас — ассортимент из четырёх единиц! Одна из них — почти каждому по карману. И все четыре — без очереди.

Это была первая зафиксированная мною победа над злейшим и всюду проникившим врагом — дефицитом.

Чтобы захваченный плацдарм за считанные месяцы 1992 года расширился до размеров всей Пермской области, многое сделала команда первого постсоветского губернатора Бориса Кузнецова, ведущими игроками которой стали его заместители Геннадий Игумнов, Виктор Горбунов, Анатолий Тульников, сотрудники областной администрации Валентин Колпаков, Анатолий Кощеев, Владимир Морозов, Владимир Рогальников, Николай Шилиев, Вадим Чебыкин, руководитель Пермского отделения Центрального банка России Алексей Савельев...

Постепенно реформа демонстрировала успехи и на других направлениях. Множились и богатели первые пермские коммерческие банки. Поднимались из экономических руин «Ависма» и «Уралкалий». К привычным экономическим тяжеловесам Прикамья подтягивались созданные с нуля новые компании: строительные («Камская долина» и «Сатурн-Р»), торгово-посреднические («ДАН», «Хеми», «Ностромо»), инновационные («Новомет», «Кираса», «Прогноз»).

Но, как выражалась советская пресса, «суровый оскал капитализма» не заставил себя ждать и нанёс ответные удары. Банковский кризис 1995 года разорил многие ещё вчера благополучные кредитные учреждения. Далее последовали дефолт 1998 года, мировой финансовый кризис 2008-го, санкции и контрсанкции 2015-го, оставляя

после себя новые финансово-экономические жертвы. Не сумели выжить в условиях рынка ведущие предприятия недавнего прошлого: велосипедный, телефонный, электротехнический заводы. Набрав «жирок», крупный российский бизнес стал недружественно поглощать тех, кто помельче. Скоро уже с ним подобным образом поступили государственные корпорации. Те же «Ависма» и «Уралкалий» попали «на зуб» всесильному Ростеху, руководство которого находится в столице. А это значит, что их финансовые потоки стали впадать больше в реку Москву, чем в Каму. Не подготовились реформаторы и к борьбе с неминуемым крупномасштабным криминалом.

Будем объективны: немало компаний, ходивших в «лидерах Прикамья», стали банкротами из-за собственных «косяков»: от недооценки рисков или избыточной осторожности, от неповоротливости или, хуже того, от примитивной жадности собственника.

Означают ли эти неудачи, что рыночная экономическая реформа 1992 года себя не оправдала, что её жертвы оказались напрасными?

Ни в коем случае. Рыночная экономика подобна велосипеду. Рекордсмен мира одолевает на нём за час 54,5 км, а обычный любитель не осилит и 20. Современная российская экономика, увы, далека от лидеров. В рейтинге глобальной конкурентоспособности (2016–2017 годы) Россия занимает 44-е место из 61. Для ориентировки: первая тройка рейтинга — Швейцария, Сингапур и США. Израиль — на 21-м месте. Китай — на 28-м. Украина — на 59-м.

Отставание это закономерное. В 1980-е «советские» годы американцы опережали нас по производительности труда в четыре–пять раз, по фондоотдаче — в полтора–два раза, их удельные энергетические и материальные затраты были в три раза меньше.

Немалую долю «плановых» недостатков Россия взяла с собой в «рынок». И не только в металле и технологиях, но и в менталитете. В экономической политике мы, как и раньше, даём преференции не частному, а государственному бизнесу. Глобальный «блат» трансформировался в столь же глобальную коррупцию. Суд давно потерял репутацию справедливого.

Но даже эти тяжкие пороки современной российской экономики не могут перечеркнуть плоды победы, одержанной ровно четверть века назад. Победы над тотальным дефицитом, которая, как показали минувшие десятилетия, оказалась не только самой ёмкой, охватившей всю Россию, но и самой устойчивой.

И, судя по реакции на юбилей «высоких должностных лиц» и прессы, достойно не оценённой.

Очередь за водкой